

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Я. Конецкий, С. В. Трояновский

«БОЛЬШАЯ СОПКА» ПЕРЕДОЛЬСКОГО ПОГОСТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НОВГОРОДА НА РУБЕЖЕ XI–XII ВЕКОВ

Одним из уникальных памятников центральных районов Новгородской земли является огромная двухъярусная насыпь, расположенная на территории древнего Передольского погоста в Верхнем Полужье. Данный объект входит в состав крупного археологического комплекса, включающего в себя городище, селище и группу сопок (рис. 2). Из окружающих сопок эта насыпь выделяется размерами: высота составляет от 12,0 до 13,5 м (с учетом перепада отметок рельефа), диаметр – 70–75 м. Первый ярус имеет высоту 6,5–8,0 м, диаметр площадки первого яруса составляет ок. 50 м. Диаметр основания второго яруса – 34–35 м, высота ок. 5,5 м. Диаметр верхней площадки достигает 18 м¹.

Необычный облик этого сооружения издавна привлекал внимание местных жителей, создавших вокруг него определенный круг преданий и легенд. Название «Шум-гора», фиксируемое с конца XIX в., также имеет фольклорное происхождение. Первое подробное описание памятников Передольского погоста (1880 г.), в т. ч. городища и сопок, к числу которых была отнесена и Шум-гора, принадлежит М. Быстрову (рис. 1)².

¹ Шум-гора: проблемы междисциплинарного неразрушающего исследования памятника / Е. Н. Носов и др. // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 221, табл. 8 (вклейка).

² Быстров М. Остатки старины близ Передольского погоста Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии // ИРАО. СПб., 1880. Т. 9, вып. 4. Стб. 381–410.

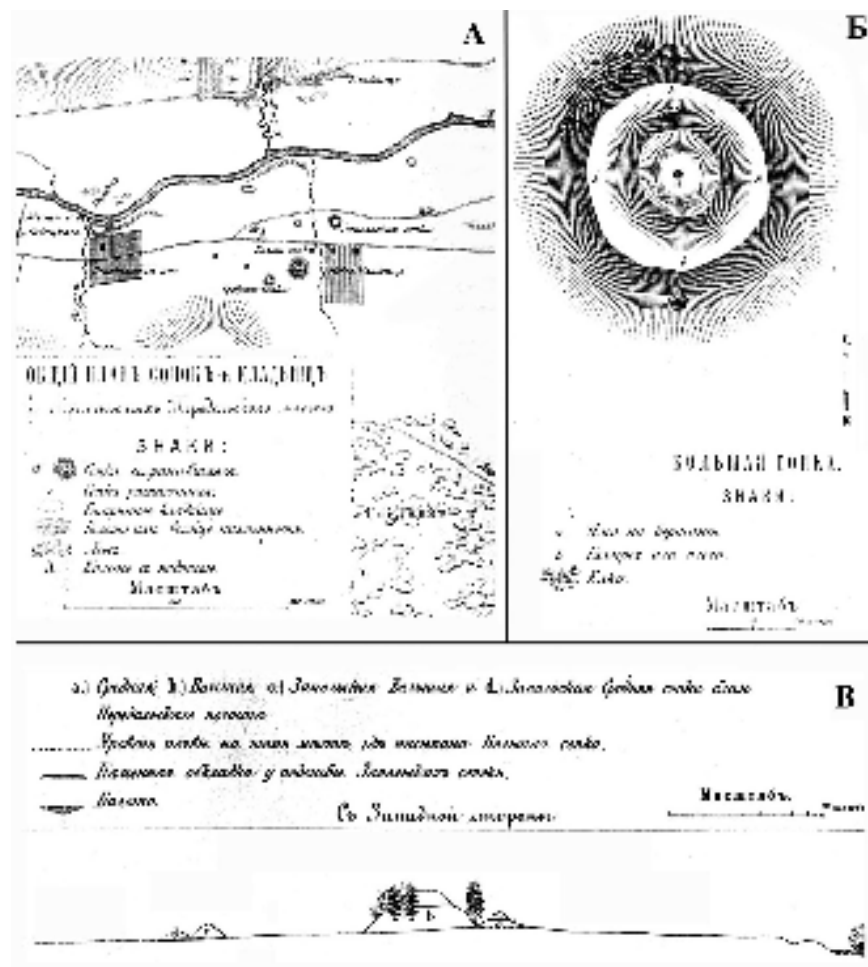

Рис. 1. Археологические объекты Передольского погоста по М. И. Быстрову (1880 г.):

- А – общий план погоста с ближайшими окрестностями;
- Б – план «большой сопки»;
- В – вид на Передольские сопки с запада

В 1927 г. комплекс был впервые обследован сотрудниками ГАИМК П. Н. Шульцем и В. П. Гроздиловым³. Группа сопок в количестве 6 насыпей паспортизирована в 1949 г., обследовалась С. Н. Орловым в 1959 г. и Новгородским отрядом ИА АН СССР в 1975 г.⁴

В 1984 г. Н.И. Платоновой здесь было открыто селище площадью ок. 9 га, раскопки которого начались с 1985 г. и продолжались с перерывами до середины 2000-х гг. За это время на разных участках вскрыто 212 кв. м, а также раскопаны две насыпи, давшие интересный материал по погребальной обрядности носителей культуры сопок⁵.

Последние полтора десятилетия вокруг «Большой сопки» нагнетался ажиотаж: практически в утвердительной форме в СМИ памятник стал фигурировать как «могила Рюрика»⁶. В создании сенсационной шумихи вокруг Передольского погоста ведущую роль играли дачники-краеведы М.С. и С.С. Алексашины.

Активность Алексашиных по сбору подъемного материала на Передольском погосте (в т. ч. средствами металлопоиска⁷), вкупе с развернутой ими в медиа-пространстве пропагандой собственных идей, в определенный период времени вывела их на легальный уровень отношений с представителями академической науки⁸. В 2002 г. по инициативе Алексашиных и при участии петербургского археолога Г.С. Лебедева были организованы георадарные исследования Шум-горы⁹. Эти работы сопровождались сообщениями в СМИ,

³ Шульц П. Н., Гроздилов Г. П. Археологические разведки в Лужском уезде // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1927. Д. 106.

⁴ Паспорта памятников археологии // Архив УГОКН НО.

⁵ Платонова Н. И. О погребальном обряде Верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 181–195; Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 142–194.

⁶ Например, по запросу «Могила Рюрика и Шум-гора» в поисковой системе Яндекс по состоянию на 10.03.2013 г. обнаружилось 115 тысяч ссылок.

⁷ Платонова Н. И. и др. Древнерусский протогородской центр... С. 186.

⁸ Алексашин С. С., Белецкий С. В. Сфрагистические памятники Передольского погоста // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 204–207; Платонова Н. И., Алексашин С. С. Новые находки на Передольском погосте (перспективы дальнейших исследований) // Ладога и ее соседи... С. 208–210.

⁹ Алексашин С. С. Надписи на камнях с сопки Шум-гора: проблемы интерпретации и опыт прочтения // Скандинавские чтения 2004 г. СПб., 2006. Отметим, что указанный в статье факт сотрудничества с известным петербургским археологом Г. С. Лебедевым не отражен в авторстве данной публикации. О том, что Лебедев проявлял интерес к георадарному обследованию Шум-горы, известно лишь по уст-

вплоть до общероссийского уровня, о якобы обнаруженной в теле насыпи «полости, тоннеля или погребальной ниши», что однозначно подавалось организаторами работ как аргумент в пользу ее экстраординарного погребального характера¹⁰.

Рис. 2. «Шум-гора»: современное состояние. Вид с севера

Неоднозначность результатов этих исследований и необходимость верификации данных георадарного обследования побудили в 2003 г. Н.И. Платонову, совместно со специалистами Всероссийского научно-исследовательского института разведочной геофизики («Рудгеофизика») и геологического факультета СПбГУ, провести сейсмографические исследования Шум-горы, целью которых являлась разработка методики исследования памятников археологии неразрушающими методами. Работы 2003 г. стали для указанного коллектива одним из этапов исследования Шум-горы геофизическими методами.

ным высказываниям С. С. и М. С. Алексашиных см.: Шум-гора: проблемы... С. 223.

¹⁰ Алексашин С. С. Шум-гора. Новые данные в исследовании памятника культурного наследия // <http://norge.ru/shumgora1>; Скакунов И., Замахин А. О чем молчит Шум-гора // Итоги. 2002, № 17/307.

В 2005 г. сейсмические наблюдения были продолжены. При этом главное внимание было уделено тестированию нижней части насыпи. Итоги работ 2003–2005 гг. легли в основу публикации в специализированном геофизическом издании¹¹, а также были совмещены с итогами работ 2002 г. в коллективной статье с участием археологов Е. Н. Носова, Н. И. Платоновой и Б. С. Короткевича, вышедшей в 2007 г.

В указанной статье было четко сформулировано отношение к результатам, полученным в 2002 г. при использовании георадарного тестирования. В частности, отмечалось, что метод разработан еще недостаточно и на основании этих данных «нельзя всерьез говорить ни о «погребальной нише», ни о «туннеле» в насыпи Шум-горы»¹². По итогам сейсмографических исследований геофизиками был сделан ряд важных выводов. Получило подтверждение искусственное происхождение всей насыпи. При этом удалось зафиксировать ряд аномалий, свидетельствующих о неоднородности ее строения. Были выделены зоны со свойствами, присущими скоплениям валунов, в том числе образующих «некое подобие окружности». В центральной части насыпи выявлена обширная область, предположительно сложенная материалом, «по своим характеристикам напоминающим торф»¹³.

Тем не менее при интерпретации данных сейсмической томографии 2003–2005 гг. «возник ряд неоднозначностей, требующих дополнительных уточнений». С этой целью в 2006 г. на Шум-горе «был выполнен комплекс геофизических исследований, который включал в себя высокоточную сейсморазведку, электроразведку и магниторазведку».

В суммарных выводах статьи 2009 г., подводящей общие итоги всего цикла исследований, содержится окончательная констатация искусственного характера Шум-горы. Из конструктивных особенностей насыпи было подтверждено наличие рва и скоплений валунного материала в нижней части, при этом не исключалась их связь с разрушенными остатками какого-то строения.

Наиболее важный вывод сделан относительно низкоскоростной зоны, расположенной в верхней части насыпи (выше 5 м от ее основания), которая была интерпретирована как засыпанная погреб-

¹¹ Опыт применения малоглубинной сейсморазведки для решения археологических задач./ В. И. Кашкевич и др. // Вопросы геофизики. СПб., 2005. Вып. 38. С. 63–71.

¹² Шум-гора: проблемы... С. 226.

¹³ Там же. С. 229–230.

бальная камера. Все эти элементы были отражены в представленной археолого-геофизической модели (рис. 3)¹⁴.

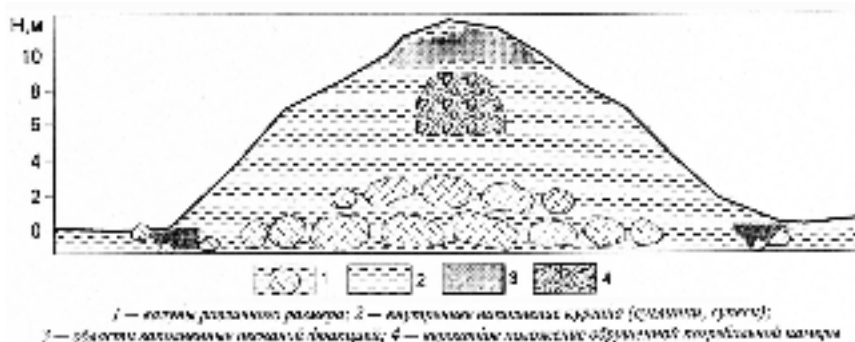

Рис. 3. Археолого-геофизическая модель кургана Шум-гора

(по А. Л. Борисик, В. И. Кашкевич, Н. И. Платонова, Н. Н. Блохин,
А. А. Анисимов, М. П. Кашкевич, 2009 г.)

В целом, проведенный цикл работ показал перспективность использования методов неразрушающих исследований применительно к уникальным археологическим объектам, к которым, безусловно, относится Шум-гора.

Полностью разделяя данный подход, в то же время мы считаем необходимым отметить, что в позиции авторов статьи 2009 г. имеется слабое звено, способное повлиять на изучение памятника и интерпретацию полученных материалов. Дело в том, что еще до начала работ Шум-гора была безоговорочно приписана к категории погребальных объектов. В указанных выше публикациях 2005–2009 гг. повторяется утверждение, что Шум-гору можно считать «самой высокой из всех известных сохранившихся больших курганов I–II тыс. н. э. в Северной и Восточной Европе, включая «королевские курганы» Скандинавии и Дании (так в тексте. – В. К., С. Т.)»¹⁵.

¹⁴ Комплексные геофизические исследования кургана «Шум-гора» / А. Л. Борисик и др. // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем Средневековье. СПб., 2009. С. 84, 87, рис. 14.

¹⁵ Там же. С. 221. Отметим, что это утверждение ошибочно, поскольку на территории Скандинавии известны погребальные насыпи, превосходящие Шум-гору по размерам. В частности, к ним относится норвежский «Холм Ракни» (*Rakni's mound* (англ.) или *Raknehaugen* (норв.)), достигающий более 15 (по другим источникам – 18) м в высоту и 77 м в диаметре. По данным дендрохронологического и радиоуглеродного анализа лежневых деревянных конструкций он относится к перио-

Априорное и однозначное отнесение Шум-горы к категории погребальных сооружений препятствует поиску других атрибуций. Интерпретация низкоскоростной зоны насыпи, пусть даже и вероятностная, как «засыпанной погребальной камеры» или «обрушенной погребальной камеры» неизбежно вызывает ассоциации с камерными погребениями. В таком случае Шум-гора оказывается связанной с погребальной обрядностью, свойственной социальной верхушке формирующегося Древнерусского государства, при том, что генетически этот тип погребений во многом связан со скандинавской средой.

Гипотеза о наличии камерного погребения внутри «большой сопки» Передольского погоста, с нашей точки зрения, существенно обостряет вопрос о ее экстраординарном характере. Эта версия, однозначно выводящая ее за рамки категории сопок, еще более обособляет объект и вынуждает к поиску более широкого круга аналогий не только на территории Древней Руси, но и за ее пределами.

Обращаясь к необычному для сопок облику Шум-горы, отметим, что и в этнографической традиции она вызывала совсем не погребальные ассоциации. Уже М. Быстров фиксировал приуроченные к данному объекту фольклорные сказания о «провалившейся церкви». Он же приводит мнение «деревенских рационалистов», утверждавших что «это батарея, а на плечах и вершине ее ставились пушки»¹⁶. Православно-этнографические комментарии к преданиям о Шум-горе, включая приведенные в статьях Н. И. Платоновой¹⁷, были опубликованы А. А. Панченко¹⁸.

Подчеркнем, что в рамках существующих представлений, одной из целей сооружения столь значительной по размерам насыпей являлась манифестация социального престижа соответствующих общин и погребенных в сопках их лидеров. При такой постановке цели эффект внешней монументальности данного архитектурного сооружения достигался методом пропорции, предполагающей максимальную высоту насыпи при минимальном диаметре основания, обеспечивающем устойчивость конструкции.

После вышесказанного возникает вопрос: возможна ли интерпретация Шум-горы без привязки к погребальным древностям? На

ду 533–551 гг. н. э. Вторым по размерам в Норвегии считается курган Йеллхауген (*Jellhaugen*), диаметр которого достигает 85 м при высоте 9 м в высоту. Он датируется рубежом V-VI вв. // См. напр.: <http://en.wikipedia.org/wiki/Tumulus>.

¹⁶ Быстров М. Остатки старины ... Стб. 387–395.

¹⁷ Платонова Н. И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 76–77.

¹⁸ Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 142–144, 224.

наш взгляд, ответ на него должен быть положительным. Наличие двух ярусов в сочетании с размерами верхней площадки позволяют предположить фортификационное назначение этого сооружения.

Прежде чем перейти к поискам фортификационных аналогов Шум-горе, следует определиться с хронологическими рамками, внутри которых существовали необходимые условия и предпосылки для такого монументального строительства на Передольском погосте. С опорой на мнение Н. И. Платоновой, этот интервал может быть определен с сер. X в. до сер. XII в., когда, по ее мнению, Передольский погост являлся поселением протогородского типа, дальнейшее развитие которого, как и других локальных центров, было прервано «централизаторской политикой Великого Новгорода, не заинтересованного в их дальнейшем росте»¹⁹.

В поисках оборонительных объектов, подобных Шум-горе, приходится констатировать, что городищ, основой которых является искусственная насыпь, на территории Древней Руси в это время не существовало. В тоже время, при расширении географии поиска, обнаруживается многочисленный ряд подобных сооружений, расположенный достаточно далеко от Руси, к западу от р. Эльба.

Этот тип «крепостиц» имеет в западноевропейской историографической традиции наименование *motte*, внедренное в научную литературу в середине XIX в. известным французским архитектором Виолле-ле-Дюком. Одной из наиболее распространенных версий происхождения термина считается норманно-французское название насыпного холма – *motte*, что означало «торф». Впоследствии термин получил развитие в староанглийском языке, где словом *moat* обозначали обводненный ров, а *motte* приравнивалось по значению к выражению *moated site*, то есть «окруженный рвом холм»²⁰. В немецкой научной литературе подобные объекты в XIX в. обозначались термином *Turmhügel* (букв. «башенный холм») ²¹.

Совокупность исторических и археологических источников указывает на вторую половину X и XI вв., как период возникновения и широкого распространения данного типа фортификаций в Западной Европе. Причинами этого, по мнению одних авторов, являлась внешняя опасность со стороны венгров и славян. Другая точка зрения связывает их с процессом феодализации («озамчивания») территорий, захваченных норманнами (рис. 4).

¹⁹ Платонова Н. И. Укрепленные поселения... С. 79

²⁰ Warner P. The medieval castle. Life in a fortress in peace and war. Penguin Books, 2001. 1977. P. 31–32.

²¹ Hinz H. Motte und Donjon. Zur Frühgeschichte der Mittelalterlichen Adelsburg. Köln, 1981. S. 11.

Рис. 4. Примеры *motte* XI-XII вв.

Вверху – Биггар (*Biggar, Шотландия*); внизу – Бринклоу
(*Brinklow, Уорвик, Англия*)

Границы распространения *motte* в первую очередь охватывают территорию северо-западной Франции (Нормандию), где, как считается, этот тип укреплений и возник. Сотни таких холмов появились в юго-восточной Англии после норманнского вторжения 1066 г. и впоследствии распространились до севера Шотландии и в Ирландии. На гобелене из Байо содержится несколько характерных *motte*, причем насыпанных как норманнами, так и англо-саксами (рис 5).

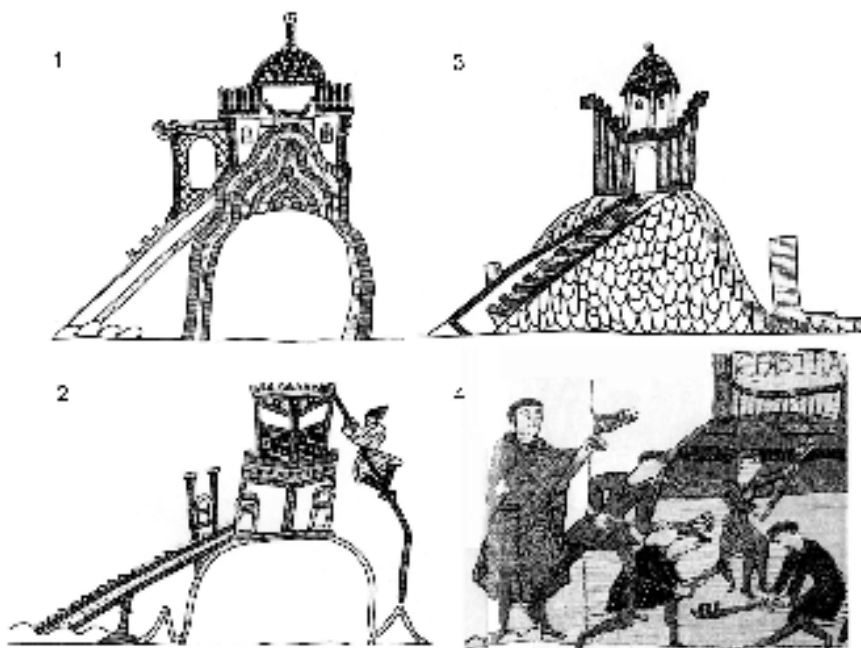

Рис. 5. Изображения *motte* на гобелене из Байо (*Bayeux Tapestry*):

- 1) Байо (*Bayeux*); 2) Дол (*Dol*); 3) Ренне (*Rennes*);
4) насыпка *motte* Динана (*Dinan*).

По данным немецкого исследователя Херманна Хинца на европейском континенте зона распространения *motte* на востоке проходит примерно по бассейну р. Эльбы, охватывая при этом исторические области Богемию и Силезию. Эти искусственные возвышения обычно приурочены к плотно заселенным территориям²².

²² Мески Ж. Зámки. М., 2003. С. 16.

В классическом варианте *motte* представлял собой насыпной холм из земли, часто смешанной с гравием, торфом, известняком или хворостом²³. Использование столь разнообразного, в том числе органического материала преследовало вполне прагматичную цель: создать насыпь большого объема при минимизации трудозатрат. *Motte* имел в основном форму усеченного конуса высотой от 10 до 30 м. Холм был круглый или приближенный к квадрату в основании, диаметр холма был, по меньшей мере, в два раза больше высоты. Поверхность *motte* часто покрывали глиной либо деревянным настилом. На вершине возводилась деревянная или каменная башня (донжон), окруженная палисадом. Вокруг холма шел заполненный водой или сухой ров, грунт из которого использовали для насыпи. Доступ в башню осуществлялся по деревянной лестнице, устроенной на склоне холма. Как правило *motte* входит в двухчастную структуру, имеющую название *motte and bailey*, то есть «замок и двор» (рис. 6).

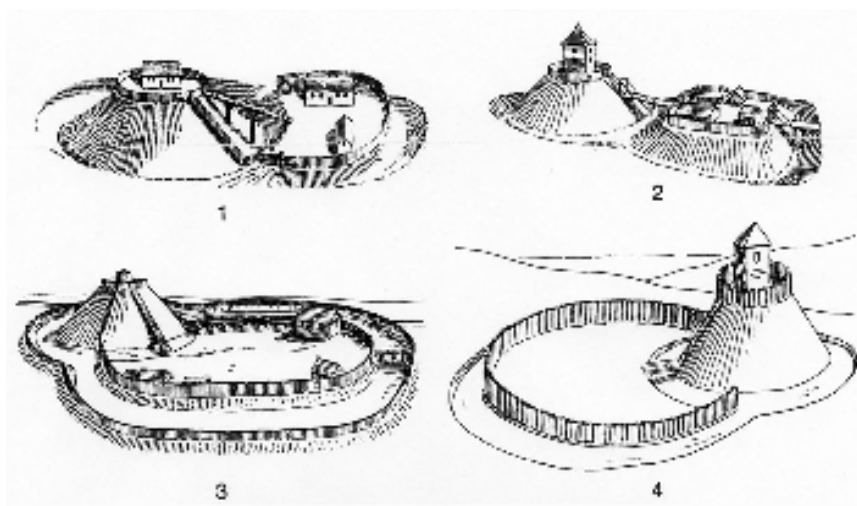

Рис. 6. Варианты соотношения *motte* и *bailey* (по Н. Hinz, 1981. С. 15)

Наличие у *motte* двух ярусов не является широко распространенным признаком, хотя аналоги Шум-горе в этом отношении существуют. Причины возведения двухъярусной насыпи могут иметь двойную природу: с одной стороны, нижний ярус мог являться первым рубежом обороны. В то же время при возведении холма из те-

²³ См. <http://www.castlewales.com/motte.html>

кучих по характеристикам грунтов (пески, супеси, суглинки и глины) дополнительная опорная площадка нижнего яруса обеспечивала общую устойчивость сооружения при необходимой высоте. При этом нужно учитывать, что современные контуры двухъярусных в древности насыпей далеки от их первоначальных очертаний.

Появление в Новгородской земле укрепления западноевропейского типа может показаться невероятным, но лишь на первый взгляд. С нашей точки зрения, в истории Новгорода был период, когда совместился целый ряд факторов, делавших вполне возможным возникновение здесь такого уникального объекта. Он связан со временем княжения в Новгороде Мстислава Владимировича, которое продолжалось с 1088 по 1117 г.

Историками неоднократно отмечалось, что княжение Мстислава стало переломным этапом в процессе складывания особого типа отношений Новгорода с князьями. С фигурой этого князя новгородцы связывали надежды на создание собственной, независимой от Киева династической линии. Подтверждением тому является зафиксированное летописью заявление новгородцев: «...въскормили есмы собе князь»²⁴.

Перераспределение власти и собственности между боярством и князем имело одним из следствий возникновение княжеских доминиальных владений²⁵. Как считает Н. И. Платонова, «так или иначе к 1130-м гг. успел сформироваться некий фонд княжеских владений, преимущественно по окраинам волостей, освоенных в X в. сопочным населением». При этом «князьями «приватизировались» в первую очередь участки вдоль водных и сухопутных путей, важных в стратегическом отношении». Н.И. Платонова полагает, что земли по Луге имели прямое отношение к данному процессу, поскольку здесь, а именно в районе Передольского погоста, находился важный перекресток транзитных путей разного уровня²⁶. Следует добавить, что в XI–XII вв. Верхнему Полужью была присуща отчетливо выраженная положительная динамика демографического и, следовательно, экономического развития на фоне уровня, достигнутого в предшествующую эпоху сопок. В данном отношении Полужье разительно отличается от бассейнов Мсты и Ловати, где в этот период наблюдается резкое сокращение поселенческой сети, связанное с истощением фонда земель, пригодных для ранних форм пашенного

²⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 83.

²⁵ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 245.

²⁶ Платонова Н. И. и др. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте. С. 189.

земледелия²⁷. Все это указывает на особое значение Полужья для княжеской власти на рубеже XI–XII вв.

Безусловно, отражением особого статуса Верхнего Полужья в первые века русской истории является летописное сообщение о походах княгини Ольги на Мсту и Лугу и «устроение» этих территорий. Н. И. Платонова предполагает, что появление данного сюжета в летописном своде, составленном в Киеве в начале XII в., было обусловлено существованием традиции, то есть «той самой «старинной», что лежала в основе княжеских владельческих притязаний»²⁸.

С нашей точки зрения, вопрос этот более сложен. Дело в том, что результаты действий Ольги на Мсте и Луге в разных летописях описаны различными формулами. Так, в Новгородской I летописи (НПЛ) Луга вообще не упоминается: «...иде Олга Новугороду и уставы по Мсте *погосты* и *дань*. И ловища ее суть по всей земли». В тексте Повести временных лет (ПВЛ) по Лаврентьевскому списку Мста и Луга четко разграничиваются: по Мсте – *погосты* и *дани*, по Луге – *дани* и *оброки*. И только в Ипатьевском (южнорусском) списке появляются *погосты* на Луге: по Мсте – *погосты* и *дани*, по Луге – *погосты*, *дани* и *оброки*. Последнее описание производит впечатление избыточного (=компилятивного), то есть типологически более позднего.

Таким образом, согласно письменной традиции факт установления княгиней Ольгой погостов по Луге нельзя считать бесспорным. Если же следовать выводам Н. И. Платоновой, доказывающей наличие «ольгинских» погостов в Верхнем Полужье, становится непонятным замещение их *оброками* в ранних редакциях ПВЛ. В таком случае мы вынуждены признать, что содержанием «той самой «старинной» были *оброки*, а не *погосты*.

В последние годы интересные наблюдения относительно этих летописных разночтений были сделаны Е. А. Шинаковым, который отметил, что именно *оброки* являются здесь «главной источник-

²⁷ Лебедев Г. С., Платонова Н. И., Лесман Ю. М. Археологическая карта Верхнего Полужья (вторая половина I – первая половина II тыс.) // Северная Русь и ее соседи. Л., 1982. С. 45-49, карта. Ср.: Конецкий В. Я. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли // ННЗИА. Новгород, 1988. С. 26-30; Он же. К истории сельского расселения и хозяйства в долине р. Ловать в эпоху Средневековья // ННЗИА. Новгород, 1992. Вып. 6. С. 38-44; Носов Е. Н., Конецкий В. Я., Иванов А. Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России: итоги и перспективы // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Любытино. 2002. Вып. 1. С. 35-36.

²⁸ Платонова Н. И. и др. Древнерусский протогородский центр... С. 190.

ведческой проблемой»²⁹. Исследователь обратил внимание, что соответствующее сообщение НПЛ, в котором, как уже отмечалось, упоминание Луги вообще отсутствует, попадает в ту часть этой летописи, «которая отражает уже не общерусский начальный свод, а новгородскую интерпретацию ПВЛ». «Если, – продолжает он, – «принять версию сознательного, неслучайного исключения «оброков» из списков повинностей населения, жившего по р. Луге, т. е. части Новгородской республики времени составления НПЛ, перед князем, то приходится признать за этим термином какое-то значение, неприемлемое в контексте отношений этого государства с князьями»³⁰.

Е. А. Шинаков далее ставит вопрос: почему оброк как вид повинностей перед князем «был, возможно, неприемлемым для новгородцев XII–XIII вв., а упоминание его в летописи нежелательно с точки зрения прецедентного во многом характера древнерусского права и любви ссылаться на «старину»³¹. Ответ он видит в том, что оброк связан с *земельным владением* (курсив наш. – В. К., С. Т.), а не с собственно использованием права власти. В таком случае отношение в летописи *оброков* ко временам княгини Ольги, по сути, создавало легитимную основу для существования в Новгородской земле системы княжеских вотчин (сел), доходом от которых распоряжался лично князь. С другой стороны, ярким свидетельством того, что новгородское боярство всячески препятствовало сохранению и развитию княжеского землевладения, выступает формула «докончаний» с князьями, возникновение которой В.Л. Янин относит как раз ко времени княжения Мстислава Владимировича: «...княже, тебе, ни твоеи княгыни, ни твоим бояромъ, ни твоимъ дворяномъ сель не държати, ни купити, ни даромъ приимати, и по все волости Новгородской»³².

Оставляя в стороне вопрос о древности традиции установления *оброков*, то есть в конечном счете княжеских сел по Луге, у нас не вызывает сомнений, что во времена Мстислава данная территория в экономическом отношении составляла важную часть княжеских интересов в Новгородской земле. Одновременно с этим для эпохи Мстислава ощутимо просматривается настойчивая боярская политика ограничения княжеских притязаний на земельные владения. В этих обстоятельствах вполне резонной выглядела бы попыт-

²⁹ Шинаков Е. А. Образование древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 214.

³⁰ Там же. С. 214-215.

³¹ Там же.

³² Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 45.

ка князя и его окружения манифестировать свои властные претензии на территорию, важную для него в различных аспектах.

Как указано выше, присущим эпохе способом выражения этих претензий в европейском Средневековье было строительство военно-оборонительных сооружений, проще говоря, замков. Наиболее типичной формой замковой архитектуры в XI–XII вв. на пространствах Западной Европы были резиденции феодальной знати, престижность и обороноспособность которых были призваны обеспечить насыпные холмы – *motte*³³.

В том, что на Передольском погосте возникло столь экзотическое для Древней Руси сооружение, как *motte*, проявились не только приметы эпохи, но, прежде всего, культурная ориентация Мстислава Великого, связанная с его происхождением. Примечателен сам факт его рождения от брака Владимира Мономаха и Гиты – дочери последнего англо-саксонского правителя Англии Гаральда Гудвинсона. Их первенец, названный Мстиславом, в западноевропейских источниках известен как Гаральд – что сохраняло память о деде по материнской линии. В свою очередь Мстислав-Гаральд в 1095 г. женился на принцессе Христине – дочери шведского короля.

Во время княжения Мстислава (1088–1117 гг. с небольшим перерывом в середине 1090-х гг.) в Новгороде явно фиксируется прозападная ориентация религиозной и культурной жизни. К числу этих проявлений следует отнести строительство Мстиславом грандиозного собора Св. Николая в 1113 г. на Ярославовом дворе, при том, что поклонение этому святому, по мнению М. Ф. Мурьянова, обрело культовый характер в Англии и Ирландии уже в X–XI вв. и было особенно популярным при дворе Гаральда II, отца Гиты³⁴.

Столь же знаковым событием, демонстрирующим проникновение в церковную жизнь Новгорода латинского влияния, является легендарное прибытие в город в 1106 г. Антония Римлянина. Развернутое им с разрешения епископа Никиты строительство монастыря стало, по мнению того же Мурьянова, «опорным пунктом католического влияния в Новгороде»³⁵.

Впечатляющим достижением отечественной науки в изучении этого периода стало введение в научный оборот А. В. Назаренко западноевропейского источника под названием «Похвальное слово Св. Пантелеймону», принадлежащее перу известного богослова и проповедника первой трети XII в. Руперта из Дойца. Из него следует, что Гита Гаральдовна поддерживала тесные связи с монастырем

³³ Мески Ж. Зámки. С. 16–18.

³⁴ Мурьянов М. Ф. Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 222–224.

³⁵ Там же. С. 220.

Святого Пантелеймона в Кельне, делая в него щедрые вклады. Благодаря этим связям в «Похвальное слово» был включен пространственный рассказ о чудесном исцелении новгородского князя Мстислава, сына Гиты и Владимира Мономаха, которое было приписано заступничеству св. Пантелеймона³⁶.

Гита Гаральдовна, которая по мнению ряда отечественных исследователей провела последние годы жизни в Новгороде при дворе Мстислава³⁷, поддерживала связи с обителью св. Пантелеймона в Кельне, где она числится среди «щедрых» вкладчиков средств в монастырском синодике³⁸. Ее кончину связывают с возможным участием в паломничестве в Иерусалим во время Первого крестового похода, одним из предводителей которого был ее двоюродный брат Готфрид Бульонский. Сохраняя тесные связи с западным миром, Гита Гаральдовна, несомненно, оказывала сильнейшее влияние на культурные акции своего сына Мстислава в Новгороде. Принимая во внимание отмеченный культурный контекст, следует признать, что появление на Верхней Луге «крепостицы» западноевропейского типа, столь популярного на исторической родине Гиты, в эпоху княжения Мстислава не выглядит таким уж из ряда вон выходящим.

Безусловно, все изложенное является лишь гипотезой, требующей тщательной проверки, в том числе в форме полевых археологических исследований. Но прежде необходимо ответить на прогнозируемое возражение потенциальных оппонентов: почему данное сооружение находится в составе сопочного могильника?

Ответ, с нашей точки зрения, довольно прост. Резонно предположить, что при сооружении в Передольском погосте небольшой крепости по образцу западноевропейских замков, могла быть использована насыпь существовавшей здесь к этому времени сопки. Таким образом строители оборонительного холма просто существенно сократили объем необходимых земляных работ. К тому же существенный хронологический разрыв – около столетия – между временем создания языческих могильников и возведением крепости снимало тему возможного конфликта с потомками создателей сопки.

Насколько же долгим мог быть век самой Шум-горы как княжеского замка в центре Верхнего Полужья? Ее функционирование в

³⁶ Назаренко А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993, № 2. С. 65–78.

³⁷ Кучкин В. А. Чудо Св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999. С. 55–57; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей XI–XII вв. М., 2001. С. 597–598.

³⁸ Назаренко А. В. Неизвестный эпизод... С. 69.

качестве опорного пункта княжеской власти, продолжавшееся, как мы полагаем, всего несколько десятилетий, прекратилось вместе с кардинальными изменениями в отношениях Новгорода с князьями, рубежом в которых стал 1136 год.

Таким образом, на наш взгляд, в этом памятнике нашли свое материальное отражение политические, экономические и культурные реалии одного из ключевых периодов новгородской истории.